

М. Е. ФЕДОРОВА, Т. А. СУМНИКОВА

ХРЕСТОМАТИЯ

ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов нефилологических специальностей гуманитарных вузов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА» МОСКВА — 1969

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

В 1237 г. Рязань была захвачена и разорена татарским ханом Батыем. Об этих событиях рассказывается в «Повести о разорении Рязани», входящей в цикл произведений о Николе Зарайском. Повесть о разорении Рязани Батыем проникнута пафосом воинской доблести: князя, дружина, все рязанцы — беззаветные храбрецы, сражающиеся до последнего с татарами-захватчиками.

Повесть испытала значительное воздействие устных народных преданий о борьбе с татарским нашествием; в частности, эпизоды, связанные с Евпатием Коловратом и его дружиной, говорят о влиянии былинного эпоса. Стиль повести отличается лиризмом и драматизмом, язык в своей основе прост, чужд риторической изукрашенности.

Текст повести дан в переводе Д. С. Лихачева. См.: «Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков». М., ГИХЛ, 1957.

В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николы из Корсуня пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал станом на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, во всяких людях и в конях. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыея и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него, чтобы прислал помощь против безбожного царя Батыея или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братией своей: за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, и за князем Давыдом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю, но только похвалялся

и грозился повоевать всю Русскую землю. И стал князей рязанских потехою тешить, а после у них дочерей и сестер их к себе на ложе просить. И некто из вельмож рязанских из зависти донес безбожному царю Батыю, что имеет князь Федор Юрьевич Рязанский княгиню из царского рода и что всех прекраснее она телом своим. Царь Батый, лукав он был и немилостив, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся только и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь».

Безбожный царь Батый оскорбился и разъярился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других находившихся тут же князей и воинских людей лучших поубивал. И один из пестунов¹ князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина. И увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича. Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она от Апоницы смертоносные слова его, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, князя Федора, и многих князей и лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, и стал собирать войнство свое и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и бестрепетно скачущих на конях своих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас боже, от врагов наших, и от поднимающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои

и братия! Если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли? Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганных быть. Вот я, брат ваш, вперед вас выпью чашу смертную за святые божьи церкви, и за веру христианскую, за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича». И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы богородицы, и плакал много перед образом пречистой, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне, принял благословение от епископа и от всех священнослужителей. И пошли походом против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских, и напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно. И была сеча зла и ужасна, много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что силы рязанские бьются крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! А Батыевы же силы велики были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячью, а два с десятью тысячами. И увидел князь великий убиение брата своего, князя Давыда Ингваревича, и воскликнул в горести души своей: «О братия моя милая и дружина ласковая, узорочье и воспитание рязанское²! Мужайтесь и крепитесь! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не пьем!» И пересели с коня на конь, и начали биться упорно; через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно биясь, так что всем полкам татарским подивиться крепости и мужеству рязанского воинства; и бились так крепко и нещадно, что и сама земля застонала, а Батыевы полки все смешались. И едва одолели их полки сильные татарские. В той сече убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князья местные и воеводы крепкие и воинство: удалыцы и резвцы, узорочье и воспитание рязанское — все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул вспять, но все вместе полегли мертвые. Сие все навел бог грех ради наших. А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие полки свои побитые, стал сильно скорбеть и ужасаться. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и город Бел³, и Ижеславец разорил до основания и всех лю-

дей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река сильная, грех ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингваревича, паче всех красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел вылечить его от тех ран и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец своего страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И обступили град, и бились неотступно пять дней. Батыево войско переменялось, а горожане бесменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов и ран изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие со стенобитными орудиями, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань в 21-й день декабря. И пришли в церковь соборную пресвятой богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли. А иные многие от оружия пали. И во граде многих людей, и жен, и детей мечами посекали, а других в реке потопили, а черноризцев и священников без остатка посекали, и весь град пожгли, и всю красоту знаменитую, и богатство рязанское, и сродников рязанских князей — князей киевских и черниговских — захватили. А храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о чадах, ни чад об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то нам за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю попленивать, и веру христианскую искоренить, и церкви божьи до основания разорить. И некто из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Черни-

гова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И примчался во град Рязань и увидел город разорен, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И вскричал Евпатий в горести души своей, распаяся в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, соблюденных богом вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные и безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек их татарскими. Татарам почудилось, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь утратился. И едва поймали татары из полка Евпатиева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю, а царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры и какой земли, и что мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, а витязи мы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича ⁴ своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалялся перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, желая живым его взять. И съехались Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполнен силою и рассек Хостоврула на полы до седла. И стал сечь силу татарску, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых победил, одних на полы рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнеметов, и едва убили его. И принесли тело его царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами ⁵, и князьями, и санчакбеями ⁶, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И ска-

зали царю мурзы, князи и санчакбей: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно на конях бьются — один с тысячью, а два с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал Батый, смотря на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной моей орды побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватали на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского, сохранен богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разорен, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель и жалостно вскричал, как труба, созывающая на рать, как орган звучащий. И от великого того кричания и вопля страшного пал на землю как мертв. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой гибели? Кто не возрыдает о стольких людях народа православного? Кто не пожалеет стольких убитых государей? Кто не застонет от такого пленения?

И разбирал трупы князь Ингварь Ингваревич, и нашел тело матери своей великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих, и призвал попов из сел, которых бог сохранил, и похоронил мать свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных. И сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и утешил их. И плакал беспрестанно, поминая мать свою, и братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по гре-

хам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее, — только дым, земля и пепел. А церкви все погорели, и великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот град пленен был, но и иные многие. Не стало во граде ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрерывный.

И пошел князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были от нечестивого царя Батыя братья его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удальцы, и резвцы, узорочье и воспитание рязанское. Лежали они все на земле пустой, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их потерзало. Все лежали вместе, все вместе умерли и единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингваревич великое множество тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей, как поток, текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные, и меня одного оставили в такой гибели? Почему не умер я раньше вас? И как закатились вы из очей моих? И куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои незрелые? Уже не подарите сладость душе моей! Почему не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Уже ли забыли меня, брата вашего от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью вскормленного, многоплодные сады мои? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее! Месяц мой красный! Скоро погибли вы, звезды восточные: зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустынной, никем не охраняемые; чести, славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая! Уже не повеселюсь с вами! Светы мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я

вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей погибели? Слышите ли вы несчастные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! О дубравы! Поплачьте со мною! Как назову день тот и как опишу его, в который погубило столько государей и многое узорочье — храбрые удалыцы и резвцы рязанские? Ни один из них не вернулся, но все вместе умерли и единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает» ...

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингваревича, князя Глеба Ингваревича Коломенского и других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустынной земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, прошел князь Ингварь Ингваревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христолюбивого князя Олега Ингваревича, и повелел нести их во град Рязань. А честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил в одном гробу близ могилы их. Потом пошел князь Ингварь Ингваревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского. И похоронил вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте «заразила» (разбила).

Те государи из рода Владимира Святославича — отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Были они родом христолюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором гроз-

ны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пирозание скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны, на недругов храбры, половцам грозны, к братии своей — князьям русским — и к их послам величавы. ...

Благоверный князь Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингваря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя. А господина Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отца его отчине.

¹ П е с т у н — воспитатель.

² *То есть:* лучшие люди, воспитанные в Рязанской земле, ее украшение.

³ Б е л — город Белград в Рязанской земле, ныне Белгородище.

⁴ Ш у р и ч — сын шурина.

⁵ М у р з а — мелкий татарский феодал.

⁶ С а н ч а к б е и — военачальники.